

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2016 – № 3

**ЗАПАД И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ
THE WEST AND THE MUSLIM WORLD:
EXACERBATION OF CONTRADICTIONS**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2016

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №3 / 2016**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 327.8
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №3 / 2016 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Рассматриваются социокультурные, политические и геополитические аспекты конфликта между Западом и исламским миром. Выявляются причины политизации и радикализации ислама на территории Европы. Анализируется влияние политики западных стран на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке на межкультурные отношения. Для специалистов-международников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

УДК 327.8
ББК 66.2

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
«Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства	11
Запад, мусульманский мир и радикальный исламизм	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Актуальные проблемы Европы № 3 / 2016 Запад и мусульманский мир: обострение противоречий

Сведения об авторах

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, участник научно-исследовательской стажировки Фонда Ханса Зайделя, Рурский университет в Бохуме (ФРГ).

Belinsky A.V. – candidate of sciences (Ph.D in in political sciences), member of research training of the Hanns Seidel Foundation, Ruhr University Bochum (FRG). (belinskii_andrei@mail.ru)

Долгов Борис Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Dolgov B.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), senior researcher, Centre for Arab and Islamic studies, Institute of oriental studies, Russian Academy of Sciences. (dolgov.boris@list.ru)

Малышев Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; доцент Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Malyshev D.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), research fellow, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences; associate professor, Faculty of world politics, Lomonosov Moscow State University. (dimal.68@mail.ru)

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, заведующая Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН.

Novikova O.N. – candidate of sciences (Ph.D in history), head of Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences. (novikova@inion.ru)

Трунов Филипп Олегович – научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; преподаватель кафедры международной безопасности Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Trunov Ph.O. – research fellow, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences; researcher, Department of international security, Faculty of world politics, Lomonosov Moscow State University. (l1trunov@mail.ru)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; доцент, профессор МГИМО (У) МИД России.

Khenkin S.M. – doctor of sciences (Sc.D. in history), leading researcher, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences; professor, MGIMO (U) of the Ministry of foreign affairs. (sergkhenkin@mail.ru)

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Tchernega V.N. – doctor of sciences (Sc.D. in Law), Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, leading researcher, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences. (vladimir.tchernega@free.fr)

Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского госу-

дарственного университета им. М.В. Ломоносова, председатель Совета молодых ученых ИСАА МГУ.

Shlykov P.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), associate professor, Middle Eastern history department, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University, chairman of the Council for young scientists of the Institute of Asian and African studies. (chlykov@gmail.com)

Введение

Антитеза «Запад – мусульманский мир» становится все более устойчивой и часто употребляется в научных исследованиях. Сами мусульмане используют именно это противопоставление, несмотря на то что, строго говоря, оно должно было бы звучать: «христианский мир – мусульманский мир». Но мусульмане часто обвиняют западный мир не столько в верности христианству, сколько в безверии, атеизме, забвении норм общечеловеческой морали, которые постулируются в религиозных догматах. Очевидно, что одним из следствий глобализации явилось агрессивное наступление западной, евро-атлантической массовой культуры как культуры цивилизации, находящейся в настоящее время на вершине своего могущества, и распространение, иногда насильственное, демократии как западной модели государственного устройства. Имеет место противостояние либеральных способов организации общества, глашатаем которых является Запад, и традиционных религиозных ценностей и жизненных устоев мусульман. По представлениям многих мусульман, идет наступление коллективного Запада на мусульманские страны. Поводом для подобного убеждения служат также военные операции западных стран в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. В попытках противостоять этому наступлению мусульмане при рассмотрении данных конфликтов придерживаются цивилизационного подхода, где религия играет главенствующую роль. Они, так же как и Запад, пытаются выступать в качестве коллективного игрока, опираясь на концепцию *уммы*, трансцендентного сообщества людей, объединенных общей религией независимо от страны обитания. Отсюда – актуализированная сейчас концепция «исламского государства», в исламистском варианте реализуемая в настоящее время на территории Ближнего Востока. Здесь нужно отметить, что проявления религиозного фундаментализма характерны прежде всего для тех стран, где уже наблюдались ростки модернизации, которые породили проблемы в рамках традиционного общества, но еще недостаточно окрепли, чтобы быть в состоянии их решить. Поэтому «Исламское государство» – это вызов современному секулярному национальному государству, которое представителям политического ислама¹ кажется неприемлемым для исламской культуры. В статье П.В. Шлыкова, представленной в данном номере журнала, феномен «исламского государства» рассматривается в нескольких измерениях – как вызов нормативности западной модели общественного устройства, как проект, альтернативный государственности, как столкновение внутри исламского мира и новый виток антизападной революции. Появление негосударственных армий и вооруженных группировок на Ближнем Востоке, усиление группировки «Исламское государство» (ИГ) демонстрируют, по мнению исследователя, необходимость отхода от государственно-центричной трактовки суверенитета к понятию множественности суверенитета в рамках одного государства.

Возвращаясь к названию данного номера журнала, следует заметить, что, кажется, логично было бы закрепить в нем противопоставление «Запад – мусульманский Восток». Однако, по мнению ряда известных востоковедов (В.В. Наумкина, А.В. Малашенко, Д.Б. Малышевой), существует и мусульманский Север, куда входят регионы России с преимущественно мусульманским населением, Кавказ и Центральная Азия. Кроме того, сейчас мы наблюдаем масштабное мусульманское присутствие и на Западе – это мигранты и их потомки в Европе и Соединенных Штатах. Таким образом, образовался мусульманский Запад.

Анализируя противопоставление «Запад – мусульманский мир», следует обратить внимание на вторую его составляющую. Рассматривая мусульманский мир как единый коллектив-

¹ Термин «политический ислам» получил распространение после победы исламской революции 1978–1979 гг. в Иране. Он указывает на неотделимость исламской религии от политики, что находит свое отражение в концепции «исламского государства».

ный субъект, ведущий российский востоковед В.В. Наумкин включает в это понятие страны, позиционирующие себя как исламские, с мусульманским большинством населения; страны со значительным мусульманским населением; транснациональные объединения исламских государств (ОИК, Лига исламского мира, Лига арабских государств и др.); национальные мусульманские организации (светские и религиозные) и общины [Наумкин, 2006]. И В.В. Наумкин, и исследовательница из Екатеринбурга Г.Н. Валиахметова изучают мусульманский мир также и с позиций цивилизационного подхода – как «историко-культурный ареал, отличающийся от других цивилизаций (еврохристианской, индуистской, конфуцианско-буддистской) спецификой религии (ислам) и согласования мирской деятельности (экономика, политика, культура, быт и т.д.) с религиозными (исламскими) ценностями» [Валиахметова, 2013, с. 16].

Возникает вопрос, является ли мусульманский мир источником опасности для Запада. Одни ученые, поддерживая идею Б. Льюиса о столкновении цивилизаций, подхваченную позднее С. Хантингтоном, утверждают, что на смену идеологическому противостоянию Запада и стран социализма пришло конфликтное противостояние западной и исламской цивилизаций. Другие подчеркивают разницу между исламом и исламизмом (под которым обычно понимают радикально-экстремистское направление в исламе) и утверждают, что опасность исходит только от последнего. Исламисты привержены идее введения исламского шариата как закона, определяющего жизнь современных исламских обществ. Политический исламизм имеет целью захват власти в различных странах. Этот проект пытается сейчас осуществить «Исламское государство». В данном номере журнала известный арабист из Института востоковедения РАН Б.В. Долгов прослеживает процесс формирования ИГ, характеризует его деятельность. Ученый, регулярно бывающий в Сирии, дает оценку внутривосточной ситуации в этой стране и излагает свое видение разрешения сирийского конфликта и создания условий для успешного противостояния исламистскому экстремизму и терроризму.

По мнению ряда исследователей, терроризм является «специфическим ответом сильных, но менее развитых цивилизаций на интервенции других культур вследствие глобализации» [Орлов, Данилов, Аникин, 2008, с. 35]. В то же время это «насилие группы людей по отношению к государству как политическому субъекту, но осуществляемое чаще всего не напрямую, а посредством насилия или угрозы насилия в отношении мирных граждан» [там же]. По мнению этих ученых, терроризм является результатом политизации религии.

В контексте изучения радикальных проявлений ислама в журнале публикуется материал, касающийся участия в международных конфликтах на Ближнем Востоке и в странах Африки иностранных боевиков, которые готовы рисковать своей жизнью, например, в рядах экстремистов «Исламского государства», потому что убеждены, что транснациональная исламская идентичность – единственная альтернатива опасному и чуждому Западу. О.Н. Новикова подчеркивает, что возвращающиеся на родину иностранные боевики создают угрозу европейской безопасности, однако вызов долгосрочного характера заключается в радикализации отдельных групп населения непосредственно в Европе, и с этим надо научиться бороться.

Особый интерес представляют статьи, в которых подвергается анализу проблема нарастания исламистской угрозы в Европе. Об этом пишет в своей работе В.Н. Чернега. Он разрабатывает темы взаимоотношений государства и религии, эволюции отношения французского общества к религиозно-культурной специфике мусульман, поиска баланса между «республиканскими ценностями», отстаиванием «французской идентичности» и требованиями мусульманского сообщества Французской Республики. Автор говорит о переплетении культурно-религиозных и социально-экономических факторов, способствующих возникновению исламского терроризма на территории Франции. В.Н. Чернега высказывается в пользу необходимости глубоких перемен как в области образования, так и на рынке труда. И тут же хотелось бы добавить – и права, поскольку столь же необходимым представляется выявить и проследить связь между правом, религией и нравственностью. В европейской культуре право

является лидирующим и определяет границы других регуляторов. Л.Р. Сюкияйнен из Высшей школы экономики пишет: «Ведь европейское (и западное в целом) общество характеризуется очевидным превалярованием правовых ценностей, которое нередко доводится до своего логического предела в условиях господства принципов секуляризма и светского государства. В результате право оказывается формально полностью отделенным от религии и в значительной степени даже от нравственных ценностей» [Сюкияйнен, 2012, с. 495]. В мусульманских странах, а также в мусульманских общинах на Западе соотношение между нравственностью, моралью и правом иное. Здесь право ограничено религиозными критериями и поставлено в зависимость от них. Поэтому возникают конфликты между правом, с одной стороны, религией и традиционной нравственностью – с другой.

В журнале представлено исследование ведущего российского испаниста С.М. Хенкина о мусульманской общине в Испании. В истории этой страны имело место уникальное сосуществование христианской и мусульманской общин в Средние века. В настоящее время принято соглашение о сотрудничестве между испанским государством и Исламской комиссией Испании, представляющей основную массу испанских мусульман, которое считается одним из лучших правовых документов в Европе в плане уважения прав религиозных меньшинств. Несмотря на наличие в стране агрессивного меньшинства – радикальных исламистов, автор оптимистично оценивает перспективы адаптации мусульман-иммигрантов к условиям Европы, полагая, что исламская культура в ряде аспектов вполне совместима с западными традициями – обстоятельство, делающее возможным интеграцию мусульман в западный мир.

В фокусе исследования А.В. Белинского оказывается именно это агрессивное меньшинство, – но не в Испании, а в Германии. Речь идет о салафитской общине в этой стране. Автор пытается разобраться в природе салафитской идеологии, анализирует ее корни, показывает политические цели этого религиозного течения и способы их достижения. Практический интерес представляют сведения о составе и структуре салафитских групп в Германии. Автор прогнозирует рост популярности салафизма в этой стране.

В немалой степени этому способствует политика Германии на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке. Ф.О. Трунов посвящает свою статью анализу внешней политики ФРГ во время ливийского и сирийского кризисов. Конфликт в Сирии далек от своего разрешения, и автор справедливо отмечает, что «разрядка ситуации или, наоборот, ее обострение будут в значительной степени определяться позицией держав Запада, в том числе ФРГ, и их готовностью к сотрудничеству с Россией».

Для Запада, как и для России, большой проблемой представляется радикализация Центральной Азии (ЦА). После распада СССР правящие элиты центральноазиатских стран столкнулись с феноменом роста религиозных настроений среди населения. Религия и религиозные организации заполняли вакуум, образовавшийся в обществе в связи с потерей социальных гарантий, низким качеством государственного управления, ростом коррупции и преступности. Но главной опасностью является не рост религиозных настроений, а распространение экстремистских идей религиозного характера. Притягательность ИГ для людей, разделяющих экстремистские убеждения, лишь отчасти объясняется социально-экономическими факторами. Главное для них – священная борьба за продвижение ислама.

Все большее количество жителей из региона Центральной Азии отправляется в Сирию, чтобы пополнить ряды боевиков «Исламского государства». По оценкам официальных лиц государств ЦА, в Сирию из стран региона отправились около 2 тыс. человек, по российским оценкам – около 4 тыс. Большая часть уехавших в Сирию – этнические узбеки, хотя много и киргизов, казахов, таджиков и туркмен. В Сирии многие из них оказываются в подчинении более опытных боевиков с Кавказа или из арабских стран. Радикализация новобранцев происходила большей частью на родине, но часто также и за границей, где они жили как трудовые мигранты. Запад тревожит, что – если и когда весьма значительная часть этих людей вернется

на родину, – они могут дестабилизировать весь регион. Западные наблюдатели сокрушаются, что центральноазиатские правительства не перенимают европейский опыт по реабилитации джихадистов. Подобный опыт имеется и в Афганистане (программы по реабилитации и интеграции талибов), правда, не очень удачный. Более успешным считается опыт Дании.

Вопросу радикализации ислама в Центральной Азии, анализу проблем, стоящих перед странами ЦА и способствующих росту террористической угрозы, а также отношению к этим проблемам стран Запада посвящена публикуемая в журнале статья Д.В. Малышева. Автор выявляет тенденции распространения идей радикального исламизма и говорит о необходимости объединения усилий всех заинтересованных сторон в борьбе против радикализации ислама и международного терроризма.

Обострение противоречий Запада и мусульманского мира, наблюдающееся на современном этапе их взаимоотношений, идет по трем основным линиям. Во-первых, конфликт между двумя моделями государственного устройства – западной и исламской. Во-вторых, нарастание напряженности в западных странах в связи с нежеланием большей части мусульман принимать ценности западной цивилизации. Многие мусульмане-мигранты не хотят интегрироваться в западное культурное пространство, живут диаспорами, осуждают западный образ жизни. В-третьих, самая большая проблема, обострившаяся в последние годы, – рост исламского экстремизма и терроризма.

Все эти темы анализируются в данном номере журнала.

Список литературы

Валиахметова Г.Н. Исламский фактор в мировой политике: Курс лекций / М-во образования и науки Рос. Федерации; Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 124 с. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27933/1/978-5-7996-0867-5_2013.pdf (Дата обращения – 31.01.2016).

Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? // Международные процессы. – М., 2006. – Т. 4, № 1 (10). – Январь–апрель. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm> (Дата обращения – 31.01.2016).

Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: Социально-философский анализ // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2008. – № 307. – С. 32–37. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/307/image/307-032-037.pdf> (Дата обращения – 31.01.2016).

Сюкияйнен Л.Р. Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: Противостояние правовых культур // Ишрак: Ежегодник исламской философии. – М.: Восточная литература, 2012. – Вып. 3 / Под ред. Я. Эшотс. – С. 494–513. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/95905489> (Дата обращения – 31.01.2016).

О.Н. Новикова

«Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства

П.В. Шлыков

Аннотация. В статье рассматривается феномен «Исламского государства» (ИГ) в нескольких измерениях – как вызов нормативности западной модели общественного устройства, как проект альтернативной государственности, как столкновение внутри исламского мира и новый виток антизападной революции. Успех и конкурентные преимущества ИГ в заполнении вакуума реальной власти и создании своего протогосударства анализируются не только как следствие деградации государственных институтов в регионе, но и как производная кризиса незавершенных проектов нациестроительства.

Abstract. The paper analyses the phenomenon of the «Islamic State» (IS) as a challenge to the Western model of social order, an alternative project of state-making, a clash within the Islamic world and a new stage of anti-westernization. The paper also scrutinizes the success and competitive advantages of the IS in filling the vacuum of power and making its own proto-state as a consequences of the both degrading state institutions in the region and unfinished nation-making projects.

Ключевые слова: «Исламское государство», ИГ, ИГИЛ, исламский радикализм, анти-вестернизация, нациестроительство.

Keywords: «Islamic State», IS, ISIL, Islamic radicalism, anti-westernization, nation-making.

«Исламское государство» (ИГ) формально возникло в 2006 г., когда Совет моджахедов шуры, включавший в себя ряд экстремистских группировок в Ираке [Designated..., 2016], объединился с более мелкими повстанческими структурами, боровшимися против коалиционных сил в Ираке. На тот момент ИГ именовалось «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Окрепнув в условиях начавшейся в 2011 г. гражданской войны в Сирии, ИГ в 2013 г. объединило иракских и сирийских джихадистов и сменило свое самоназвание на «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) – именно под этим именем структура под руководством Абу Бакра аль-Багдади была признана террористической [Sanctions..., 2016]. Еще через год, в июне 2014 г., ИГИЛ провозгласило на захваченных территориях Сирии и Ирака создание «халифата» под названием «Исламское государство» (ИГ) с целью в перспективе объединить под своим началом все мусульманские страны. Провозглашение «халифата» означало существенное расширение границ деятельности ИГ, под знамена которого со всего мира стали стекаться добровольцы и которому начали присягать на верность близкие по идеологии группировки. Захват и удержание обширных территорий в Сирии и Ираке, военные успехи, эффективное использование современных средств коммуникации для вербовки боевиков и агрессивная пропагандистская кампания сделали ИГ не только прямым конкурентом «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове или талибов в Афганистане, но, говоря языком маркетинга, превратили ИГ в своего рода международный «исламистский бренд», за право на «франчайзинг» которого стали биться джихадисты по всему миру. В июле 2014 г. филиппинские джихадисты из движения «Абу Сайяф» («аль-Харакат аль-Исламия») объявили о своем присоединении к ИГ. В феврале 2015 г. йеменские джихадисты из группировки «Ансар аль-Шариа», ранее тесно связанной с «Аль-Каидой», в большинстве своем присягнули на верность ИГ. В марте 2015 г. их примеру последовали нигерийские радикалы из «Боко Харам». В августе 2015 г. духовное лидерство ИГ признало Исламское движение Узбекистана.

На сегодняшний день ИГ – самая крупная и быстро развивающаяся повстанческая организация в мире: в Сирии и Ираке ИГ контролирует территорию, по площади сравнимую с

Австрией (примерно 110–112-е место среди международно признанных государств), с населением более 8 млн человек [Gilsinanaug, 2014]. Проводя основные операции на территории Сирии, Ирака, Иордании и Ливана, с 2013 г. эмиссары ИГ активно действуют в зоне Персидского залива и на севере Африки (особенно – в Ливии и Египте), усиливая напряженность в регионе, который стал ареной соперничества и противостояния, во-первых, между ИГ и другими джихадистами (различными фракциями «Аль-Каиды»), во-вторых, между ИГ как суннитской организацией и шиитами, наконец, между ИГ и курдами.

В отличие от «Талибана», создавшего примитивное военно-теократическое государство, или «Аль-Каиды», которая разворачивала свою террористическую сеть «на безопасном удалении» – в Судане, Афганистане и Пакистане, ИГ создало трансграничное и транснациональное протогосударство. В рядах ИГ сражается несколько десятков тысяч человек со всего мира (по разным подсчетам, 80–100 тыс. человек), в том числе и из России (порядка 2 тыс., а по некоторым данным – существенно больше). ИГ осуществляет демонтаж существующей в регионе модели национально-государственного устройства и при этом обладает всеми атрибутами современного государства (военно-бюрократическим аппаратом, налоговой системой, своими законами и т.д.), за исключением международного признания и легального доступа к мировой экономике. ИГ пренебрегает существующими государственными границами, установленными после Первой мировой войны и распада Османской империи (на арабском Востоке эти границы всегда считались несправедливым наследием тайной дипломатии великих держав), заявляет о возрождении суннитской государственности на территориях, где действующая власть оказалась недееспособной.

До формирования международной коалиции, направленной на уничтожение ИГ как террористической угрозы мирового масштаба, ИГ/ИГИЛ представляло собой внутреннюю проблему Ирака, отчасти – Иракского Курдистана и Сирии. Специфика личного состава ИГИЛ (костяк организации сформировали бывшие солдаты и офицеры иракской армии времен Саддама Хусейна) определила основные направления деятельности группировки. Боевики ИГИЛ боролись против американской администрации и новых властей Ирака, которые вытеснили баасистов и прежнюю военно-бюрократическую элиту, нарушив при этом баланс влияния этноконфессиональных групп в иракском обществе в пользу шиитов.

ИГ сплотило в своих рядах двух главных противников Запада на Ближнем Востоке, с которыми коалиционные силы во главе с США боролись во время Иракской войны (2003–2011), – боевиков из «Аль-Каиды» и представителей свергнутого баасистского режима [Al-Tamimi, 2014 a; Al-Tamimi, 2014 b]. Их объединила не столько идеологическая близость (которая едва ли возможна), сколько стремление к власти и готовность добиваться ее любыми методами, а также осознание того, что международная коалиция против ИГ – это одновременно и серьезное препятствие, и ключ к успеху как важнейший фактор мобилизации сторонников.

Стремительный подъем ИГ во многом является прямым следствием осознания возможности добиться того, что прежде ни одно джихадистское движение не могло осуществить, – создать собственное теократическое государство, консолидировав в его рамках территорию сразу нескольких мусульманских стран (причем с возможностью эту территорию удерживать и расширять). Конечно, «Талибан» в свое время серьезно продвинулся в деле создания собственного государства (ввел правление шариата на территории Афганистана и создал свои институты власти, установил контроль над материально-финансовыми ресурсами региона, монополизировал функции применения насилия в Афганистане и т.д.), иными словами, делал в принципе то же, что в 2014–2015 гг. осуществляло в Ираке и Сирии ИГ. Однако между «Талибаном» и ИГ есть ряд существенных различий. Во-первых, поскольку «Талибан» натурализовался как влиятельная сила после фактической победы в гражданской войне на территории Афганистана, для него первостепенная задача заключалась в установлении порядка на территории Афганистана, особенно среди уставших от войны пуштунов, создание альтернативного

государства на повестке дня не стояло. Во-вторых, «Талибан» – это прежде всего пуштунский проект, для которого обращение к мировой мусульманской умме не первично (хотя Мулла Омар и принял символический титул *амир аль-муминин* (повелитель правоверных) в 1996 г., его фактическая юрисдикция предполагала халифат над территорией Афганистана, а не всего мусульманского мира). Не было у «Талибана» и своей версии национализма или проекта национал-строительства, подобного тому что предлагает ИГ. По сути, «Талибан» представлял собой религиозный и военно-политический проект завоевания конкретного государства – Афганистана. При этом «Талибан» продвинулся в вопросе международного признания (Саудовская Аравия, Пакистан, ОАЭ фактически признавали его власть в Афганистане), чего пока не имеет ИГ.

Другие, более молодые исламистские группировки, такие как «Аль-Шабаб» в Сомали, «Боко Харам» в Нигерии, «Ансар ад-Дин» в Мали, тоже провозгласили создание своих эмиратов, но низкий уровень общественной поддержки среди местного населения и малая эффективность в борьбе с внутренними и внешними врагами ставит под сомнение осуществимость их проектов. Не случайно большинство из этих группировок присягнули на верность ИГ, которому хватает и общественной поддержки, и успехов в борьбе с противниками.

Осмысление ИГ как проблемы для Запада

Проблема теоретического осмысления и практического анализа феномена ИГ прочно утвердилась в повестке дня специалистов по Ближнему Востоку по всему миру. Несмотря на кажущееся разнообразие подходов к выявлению природы трансформаций, наблюдаемых в разных странах после «арабской весны», и появления ИГ, среди них можно условно выделить две основные модели: первая концентрируется на внешних факторах, оказывающих определяющее воздействие на регион, для второй центральным тезисом является цикличность исторического процесса (параллели между сегодняшними проблемами Ближнего Востока и его прошлым).

Наиболее яркий пример первой аналитической модели – статья декана школы международных исследований Денверского университета и бывшего посла США в Ираке Кристофера Хилла «Конец арабского государства», в которой политические коллизии Ближнего Востока – рост этноконфессиональной напряженности, распад существующих межгосударственных границ – представлены как следствие американских интервенций [Hill, 2014]. Суть проблемы Хилл видит в распаде арабского национального государства и вырождении национальных идентичностей, которые вытесняются этноконфессиональным и групповым размежеванием, что неизбежно погружает регион в состояние «войны всех против всех» [Hill, 2014]. Этноконфессиональные размежевания – не новое явление для стран региона, однако в условиях сильной центральной власти, как правило, удавалось сбалансировать разрозненные узкогрупповые идентичности единой общегражданской. В качестве аргумента Хилл приводит пример Ирака во время правления партии БААС и после американской оккупации и событий «арабской весны», которые разрушили хрупкий баланс политического единства и оживили застарелые этноконфессиональные конфликты.

Еще один пример использования первой модели – это так называемый постосманский синдром. В книге «Зыбучие пески: Раскрывая старый порядок на Ближнем Востоке» британский историк еврейского происхождения Ави Шлаим утверждает, что ход исторического процесса на Ближнем Востоке идет вспять и причины современных конфликтов необходимо искать в послевоенном мироустройстве и установлении Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, основы которой были заложены после Первой мировой войны Версальским мирным договором (1919) и соглашениями Вашингтонской конференции (1921–1922). Основной тезис Шлаима состоит в том, что сегодняшний политический хаос на Ближнем Востоке – прямое следствие имперской политики Великобритании и Франции, символом

которой является тайный договор Сайкса–Пико о разделении Османской империи, разрушивший «старый порядок» на Ближнем Востоке [Shlaim, 2015].

Несколько иную точку зрения можно обнаружить в работах британского исламоведа индийского происхождения Салмана Сайида, считающего, что Ближний Восток стал ареной противостояния сторонников «постзападного миропорядка»² (т.е. пересмотра навязанной Западом региональной системы отношений) и тех, кто стремится сохранить status-quo [Sayyid, 2014, p. 7]. По мнению Сайида, Запад не стремится поддерживать политические режимы и правительства, которые пользуются поддержкой местного населения, поскольку не хочет видеть их суверенными и независимыми. Поэтому проблема не в демократии или ее продвижении на Ближнем Востоке, а в том, какой из режимов сможет эффективнее выступать проводником интересов Запада в регионе. Все это, с одной стороны, обрекает слабые государства на переход в разряд несостоявшихся (failed states), с другой – создает благоприятную среду для усиления радикальных группировок, подобных ИГ, влияние которых в последние годы стремительно росло.

Наиболее образно вторая аналитическая модель – модель исторических параллелей – представлена в статье Ричарда Хааса «Разваливающийся миропорядок» [Haass, 2014 b; Хаас, 2014]. Хаас предлагает рассматривать политический кризис на Ближнем Востоке – религиозную борьбу между конкурирующими традициями веры, конфликт между радикалами и умеренными, невозможность отличить гражданские войны от войн «по доверенности» – как повторение наиболее драматичного эпизода европейской истории первой половины XVII в., т.е. как «новую Тридцатилетнюю войну» [Haass, 2014 a]. Фактически Хаас говорит о крушении нормативности Вестфальской системы – мира суверенных государств³ – для Ближнего Востока, сравнивая самосожжение тунисского торговца фруктами Мухаммада Буазизи в 2010 г., после которого начались массовые волнения в Тунисе, с Пражской дефенестрацией 1618 г., положившей начало Тридцатилетней войне. Действительно, волна «арабских революций» и эпоха нестабильности на Ближнем Востоке спустя пять лет после событий в Тунисе далека от завершения.

Европа XVII в. дала пример постепенной эволюции от перманентной конфликтности к Вестфальской системе международных отношений с ее идеей баланса сил и межгосударственных союзов, признания за каждым государством всей полноты суверенной власти на своей территории и устранением конфессионального фактора из политики. «Новый Ближний Восток», наоборот, дает пример своего рода инволюции – архаизации общественно-политической системы, для которой определяющей характеристикой становится социальная анархия, религиозные и гражданские войны. В итоге «Новый Ближний Восток» – это и государства, неспособные контролировать свою территорию, и ожесточенная борьба за лидерство между относительно сильными странами, и рост влияния внесударственных сил – ополченцев и террористических групп, – и стирание границ [Haass, 2014 a].

Профессор Мичиганского университета Мухаммад Айюб в своих оценках Ближнего Востока проводит исторические параллели с холодной войной, ведущейся сразу на двух фронтах: между Ираном и Саудовской Аравией на региональном уровне, и между США и Россией на глобальном [Аюоб, 2013; Аюоб, 2014]. Саудовская Аравия и Иран – это и религиозное противостояние (сунниты–шииты), и борьба за экономическое доминирование (конкуренция

² О «постзападной цивилизации» в свое время писал С.Н. Юшенков, определяя ее как путь (на который человечество фактически уже ступило), представляющий собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера [Юшенков, 2001; Постзападная..., 2002].

³ Со времен знаменитой работы Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир» (1948) большинство политологов рассматривали Вестфальский мир как поворотную точку в истории Запада и современной мировой политики, поскольку сформулированный в нем принцип национального государственного суверенитета до сих пор остается одним из краеугольных камней международного права [Моргентау, 1997].

в сфере энергоресурсов), и конкуренция за региональное лидерство на Ближнем Востоке. Иран поддерживает режим Башара Асада в Сирии, «Хизбаллу», шиитское ополчение в Ираке, хуситов (шиитских повстанцев) в Йемене. В то время как саудиты, обеспокоенные ростом влияния Ирана в региональных делах, поддерживают сирийскую оппозицию, суннитов в Ираке, правительственные силы в Йемене. На глобальном уровне холодная война между США и Россией на Ближнем Востоке выражается американской поддержкой Саудовской Аравии и Израиля, с одной стороны, и фактической поддержкой Россией Ирана и режима Башара Асада – с другой.

Снижение дееспособности ближневосточных государств и его основные бенефициары

В феномене победного шествия ИГ можно увидеть следствие кризиса дееспособности власти в Сирии и Ираке и в целом в странах региона после «арабской весны». Дееспособность в данном случае – вполне объективная величина, отражающая возможности правительства поддерживать существование государства как жизнеспособной политической и экономической единицы, а также способность оказывать населению минимальный пакет критически необходимых «политических услуг»: гарантировать безопасность; поддерживать функционирование правовой системы и соблюдение законов; обеспечивать инфраструктуру экономической деятельности; наконец, гарантировать – пусть и в минимальном размере – социальное обеспечение и политическое участие. От того, в каком объеме государство может обеспечить оказание «политических услуг» своему населению, напрямую зависит его характеристика как сильного, слабого или несостоявшегося [Rotberg, 2003]. Причем в этом смысле несостоявшимся может быть не только государство, но и нация, для которой существующий проект нациестроительства оказался нерелевантным, т.е. когда в обществе нарушается консенсус по вопросу культурных традиций, символов, исторического прошлого и т.д. В этих условиях создается благоприятная среда для конкуренции между разными национальными проектами, которые нацелены на замещение прежней национальной идентичности [State-building., 2005].

В научной литературе, посвященной проблеме несостоявшихся государств, выделяются две основные категории. В первом случае недееспособность государства не сопровождается отказом основной массы населения подчиняться установленным правилам, порядкам и решениям правительства, во втором – она становится эквивалентом полного коллапса системы управления, что позволяет говорить также о распаде нации [там же]. В ситуации несостоявшейся нации резко повышается уровень недовольства населения действующей властью. Это ведет к росту насилия и снижению уровня безопасности, что, как в замкнутом круге, влечет за собой дальнейшую эскалацию насилия. Распад нации приводит к резкому оттоку наиболее дееспособного населения и естественному кризису человеческого капитала, а положение неэмигрировавшего населения становится еще более удручающим. Разрушен общественный договор, государство окончательно утрачивает легитимность в глазах населения: государственный аппарат принуждения теряет монополию на применение насилия, и в этой сфере начинается соревнование между государственными и негосударственными вооруженными формированиями.

Рейтинг слабости государств (*Fragile states index*) определяет способность государств выполнять свои прямые обязанности – обеспечивать безопасность и благополучие граждан по 12 агрегированным показателям [Fragile., 2015, р. 7]. Первые семь – демографические проблемы (межэтническая конфликтность), неравномерность экономического развития, бедность и экономическая нестабильность, доступность и качество социальных услуг, соблюдение прав человека, разобщенность элит и внешнее вмешательство (риски иностранного вмешательства в политические и военные конфликты, а также зависимость от внешнего финансирования) – характеризуют способность власти выполнять свои основные обязанности, т.е. жизнеспособ-

ность государства. Оставшиеся пять показателей – наличие недовольных групп, устойчивая эмиграция, утечка мозгов, делегитимизация государства, гипертрофированное влияние силовиков – квалифицируют не только состояние отношений власти и населения, но и жизнеспособность нации.

По своему уровню устойчивости государства Ближнего Востока находятся в группе высокого риска: Йемен (среднее значение по показателям – 8,97), Сирия (8,66), Ирак (8,33), Ливия (7,8), Египет (7,57), Ливан (6,91). С точки зрения устойчивости нации наихудшие показатели у Сирии (9,46) и Ирака (9,24), Йемена (9,06), Ливии (8,14), Ливана (7,94) и Египта (7,4) [подсчитано по: *Fragile...*, 2015, р. 35–38]. Все это говорит о серьезном кризисе национальной идентичности в этих странах, что способствует росту межгрупповой, межэтнической и межконфессиональной конфликтности – всего, на чем строило свой успех ИГ.

В известной работе Чарльза Тилли «Ведение войны и создание государства как организованное преступление» процесс создания государства включает в себя захват и удержание конкретной территории, извлечение источников доходов для финансирования властных институтов и военных структур и, наконец, создание системы управления для поддержания достигнутых результатов [Tilly, 1985]. В свою очередь, формирование нации требует воспитания чувства гражданственности – разделяемой всеми общей идентичности – в рамках создаваемого государства [Tilly, 1996].

Если проанализировать по этим четырем критериям – контролируемая территория, доходность, институционализация правления, воспитание гражданственности – правительства Сирии и Ирака, с одной стороны, и действующие на территории этих стран повстанческие группировки и внесистемные силы – с другой, то окажется, что ИГ по всем этим показателям опережает действующую власть в Ираке и Сирии. Территория ИГ до последнего времени расширялась, а с ее удержанием не возникало существенных проблем, доходы из разных источников росли, механизмы институционализации власти не давали сбоев, а обаяние идеи «халифата» привлекало к ИГ сторонников не только из стран Ближнего Востока, но и со всего мира. Официальные власти Ирака и Сирии, напротив, последние два года сдавали позиции и в вопросе контроля территорий, и в экономике, и по эффективности правления, и по популярности среди населения. Помимо ИГ в условиях растущей нестабильности лишь курды смогли заметно укрепиться – это касается как курдского регионального правительства, так и курдского ополчения в Ираке и Сирии (за последние два года они продвинулись и с точки зрения контролируемой территории, и по популярности среди населения).

Безотносительно ситуативных побед и поражений успешность ИГ в построении своего государства и альтернативной модели нации напрямую связана со снижением дееспособности сирийских и иракских властей и распадом национального единства. Что касается курдов Ирака и Сирии, воюющих за создание собственного государства, – они укрепили свои позиции не только за счет кризиса иракской и сирийской государственности, но и вследствие своего активного участия в борьбе с ИГ. Курдским регионам на севере Сирии удалось завоевать фактическую независимость еще на начальном этапе гражданской войны, начавшейся в 2011 г. Иракский Курдистан (региональное правительство Курдистана) еще раньше – в 2000-х годах в ходе иракской войны – добился статуса единственного субъекта федерации в составе Ирака (никто больше – ни арабы-сунниты, ни арабы-шииты, ни другие группы – не получили подобных прав)⁴. За последние годы и сирийские, и иракские курды смогли постепенно расширить контролируемые территории, причем отчасти вследствие нестабильности и слабости центрального правительства. С появлением ИГ и дальнейшей эскалацией нестабильности курды продол-

⁴ Весной 1991 г. Совет Безопасности ООН поддержал создание зоны безопасности на севере Ирака, в период с 1991 по 2003 г. иракские курды, пользуясь предоставленной автономией, смогли создать органы самоуправления, свое ополчение. В 2003–2006 гг. курды смогли законодательно закрепить свои права и свободы, получив статус субъекта федерации, базирующегося на трех провинциях – Сулеймания, Эрбиль и Дахук.

жили наращивать свое влияние. Яркий пример – Киркук, который был взят под контроль отрядами *пешимерга*⁵ летом 2014 г. под предлогом активизации джихадистов [Parkinson, 2014]. В целом снижение дееспособности правительств в Ираке и Сирии и общий кризис государственности в регионе после событий «арабской весны» способствовали подъему курдского национализма [Solomon, Dombey, 2014].

Шиитские повстанческие группировки (как, например, базирующаяся в Ливане «Хизбалла»), в свою очередь, смогли усилить позиции, выступая на стороне иракского и сирийского правительств и устанавливая под этим предлогом контроль над рядом территорий при поддержке Ирана [Al-Tamimi, 2015]. В то же время суннитские повстанческие силы – «Джабхат ан-Нусра» и еще несколько влиятельных джихадистских группировок, действующих на севере Сирии, – сформировали «Исламский фронт» (2013), провозгласив правление шариата на захваченной и контролируемой территории. Этот проект протогосударства имел ряд сходств с ИГ, однако был узконаправленным как по географии (только на территории Сирии), так и по преследуемым целям (свержение режима Башара Асада, борьба с шиитами), а внешнее финансирование (в отличие от ИГ, обладающего собственными источниками доходов) делало его претензии на самостоятельность несостоятельными.

В Ираке большинство суннитских повстанческих группировок и племенных объединений не имеют достаточно ресурсов, да и желания для эффективной борьбы с ИГ (по разным причинам – некоторые из соображений солидарности с ИГ как суннитской группировкой, воюющей против правительства в Багдаде, другие – из-за того, что деятельность ИГ расколола их ряды) [Al-Tamimi, 2014 b]. Из-за ограниченности материальных, людских и идеологических ресурсов ни одна шиитская или суннитская группировка в Ираке и Сирии – до появления ИГ – не смогла запустить проект собственного государства.

Институциональные факторы подъема ИГ

Захват и удержание территории с последующим установлением монополии на применение силы – критически важный аспект в создании нового государства. И в этом ИГ на начальном этапе своего существования преуспело. Возможности ИГ установить монополию на применение силы в границах подконтрольной территории базируются на четырех основных факторах: благоприятной региональной конъюнктуре (вакуум местной власти, общественная поддержка), организационных и военно-тактических возможностях, стратегически выверенном подборе целей (как с точки зрения территориальных захватов, так и с политической) и, наконец, на идеологической и религиозной мотивированности действий.

Важное конкурентное преимущество ИГ перед другими джихадистами – умение пользоваться слабостями своих противников и неустойчивостью местной власти, которое оттачивалось с момента создания в 2006 г. «Исламского государства Ирака» (ИГИ) – предшественника ИГ. Несмотря на военные поражения в 2007–2008 гг. от сил международной коалиции в Ираке и поддерживаемого правительством местного суннитского ополчения «Шахва», боровшегося с «Аль-Каидой», вывод коалиционных сил в 2009–2011 гг. способствовал не только укреплению боевого духа членов ИГИ, но и его возможностей рекрутировать в свои ряды новых сторонников на фоне ослабления иракской армии. С уходом американцев правительство Нури аль-Малики стало проводить более агрессивную антисуннитскую политику. Суннитских политиков систематически арестовывали, фактически отказывая им в возможности полноценного участия в политическом процессе, аналогичным образом сунниты выдавливались из системы государственной безопасности (были расформированы иррегулярные вооруженные группировки «Сыны Ирака» – отряды бывших боевиков-суннитов, перешедших на

⁵ Курдские военизированные формирования в Иракском Курдистане.

сторону нового правительства). Вычищались сунниты и из рядов регулярной иракской армии – как с рядовых, так и с командных постов. Причем нередко в ключевых провинциях Северного Ирака, таких как Мосул, командиры, обученные и назначенные на свои посты еще коалиционными силами, заменялись лояльными правительству офицерами-шиитами, из которых большинство не обладало ни необходимым боевым опытом, ни знаниями [Harvey, Pregent, 2014]. Столь недальновидная политика правительства Нури аль-Малики, фактически подготовившая почву для ответного удара суннитских группировок, позволила ИГИ вербовать сторонников среди разжалованных солдат и офицеров и тем самым значительно укрепляться организационно.

В Сирии все развивалось по схожему сценарию. Во время событий «арабской весны» и попыток режима Башара Асада подавить народные выступления острое репрессий оказалось направлено преимущественно против суннитских активистов, что неизбежно спровоцировало этноконфессиональные конфликты. Развертывание гражданской войны в 2011–2012 гг. позволило тесно связанной с ИГИ группировке «Джабхат ан-Нусра» во главе с Абу Мухаммадом аль-Джулани осуществлять противодействие правительственным силам сразу по нескольким фронтам. Четко и понятно сформулированные цели в виде свержения Башара Асада, стремление тесно сотрудничать с местным населением и определенные военные успехи прославили организацию и привлекли в нее достаточно большое количество джихадистов. Военные успехи «Джабхат ан-Нусры» и резкий рост ее престижа среди джихадистов вызвали беспокойство Абу Бакра аль-Багдади, который решил сыграть на опережение и провозгласил в апреле 2013 г. создание новой группы – «Исламского государства Ирака и Леванта» (исторической Сирии) – ИГИЛ, куда должна была влиться «Джабхат ан-Нусра». Аль-Джулани попытался опротестовать этот ход аль-Багдади, обратившись к главе «Аль-Каиды» Айману аз-Завахири, однако, несмотря на разногласия, ИГИЛ как магнит начало притягивать других джихадистов. ИГИЛ стало активно действовать на севере Сирии, перебрасывая в этот район основные силы, захватывая города и устанавливая свой контроль над территорией. Военные успехи ИГИЛ отчасти были обеспечены тем, что в его ряды перешло, по подсчетам разных исследователей, порядка 60–65% боевиков из «Джабхат ан-Нусры», и это дало серьезное преимущество в критически важных для ИГИЛ районах [Anjarini, 2013]. Гражданская война в Сирии способствовала организационному развитию и территориальной экспансии ИГИЛ, в конечном итоге – его превращению в ИГ со столицей в Ракке.

Военные неудачи в столкновении с коалиционными силами в 2007–2008 гг. в определенном смысле закалили ИГИ, задали вектор его эволюции в 2009–2013 гг. из террористической группировки в протогосударство с развитым административным и военно-бюрократическим аппаратом. Впоследствии это обеспечило трансформацию ИГИ в «халифат» ИГ с хорошо подготовленными военными и административными кадрами преимущественно из числа бывших баасистов [Barrett, 2014, p. 19, 24–25; Lister, 2014, p. 19; Giustozzi, 2008, p. 7], децентрализованной системой руководства и принятия решений с чрезвычайно жесткой дисциплиной [Fishman, 2011, p. 9–10] и мощной религиозно-пропагандистской машиной [Lister, 2014, p. 10].

Во многом по причине давления со стороны коалиционных сил ИГИ превратилось в организацию, способную к внутренней эволюции, переустройству и трансформации в столь эффективную военную структуру, как ИГ образца 2014–2015 гг.⁶ ИГ обладает практически всеми характеристиками профессиональных вооруженных сил со сложной иерархией командования и соподчинения, разветвленным бюрократическим аппаратом [Giustozzi, 2008, p. 14–16]: гибкая система военного руководства, способная адаптироваться к изменяющимся внеш-

⁶ О том, насколько сильно фактор военного соперничества влияет на становление государства и развитие в нем сложной военной организации, говорил еще Чарльз Тилли в работе «Ведение войны и создание государства как организованное претупление» [Tilly, 1985].

ним условиям; дисциплинированные кадры с большим боевым опытом; система непрерывного рекрутирования новобранцев; механизмы воспитания и поддержания высокого боевого духа и морально-психологического состояния рядового состава; хорошо организованная логистика; возможности выплачивать конкурентоспособное по размеру содержание для личного состава и ветеранов, а также пенсии для вдов и сирот погибших бойцов; лагеря интенсивной религиозно-идеологической индоктринации и военной подготовки. Эти факторы обеспечили военно-тактические успехи ИГ и эффективность его военных операций.

Потерпев поражение от коалиционных сил в Ираке на начальном этапе своего существования, ИГИЛ за счет успешной экспансии в Сирии смогла нарастить свои военные силы, вернуться в Ирак и создать многочисленную регулярную армию, по численности и боеспособности превосходящую не только любые другие повстанческие группировки, но и вооруженные силы Ирака⁷. Количество боевиков ИГИЛ в Сирии летом 2013 г. оценивалось в 3–5 тыс. [Guide..., 2013; Lister, 2013], общая численность вместе с действующими на территории Ирака – около 10 тыс. [Sciutto, Crawford, Carter, 2014]. Летом 2014 г. после захвата большей части Северного Ирака и провозглашения «халифата» численность регулярной армии ИГ составляла, по разным подсчетам, уже от 20 тыс. до 30 тыс. [там же]. Только за шесть месяцев после провозглашения «халифата» к ИГ присоединилось более 15 тыс. иностранных добровольцев [Ross, 2014].

Ориентированность на территориальную экспансию, которая стала отличительной чертой ИГ, тоже была унаследована у ИГИ, когда эта организация еще выступала ячейкой «Аль-Каиды» в Ираке⁸. Причем в своих методах ИГИ также отдавало предпочтение жестким расправам над соперниками, конкурирующими этническими и конфессиональными группами (курдами, езидами, иракскими шиитами), старалось установить свой контроль над районами и т.д. Схемы поддержания власти ИГ над захваченными территориями восходят к ИГИ, которое устраивало свои базы по границе провинции Анбар, входящей в «суннитский треугольник», устанавливало контроль над линиями коммуникации и каналами снабжения сирийских провинций, тактически окружало Багдад [Rogio, 2014].

Тем не менее ИГ существенно усовершенствовало тактику ИГИ и других своих предшественников, адаптируя ее под расширившиеся военные возможности и амбиции в построении своего государства и «всемирного халифата». В выборе целей ИГ стало действовать очень прагматично и выверенно: стратегически важные районы и транзитные коридоры, городские центры, богатые ресурсами регионы (их захват обеспечивал ИГ приток новых финансовых ресурсов, повышение престижа в глазах сторонников и местного населения, а также укрепление символической легитимности)⁹. Стратегия ИГ по установлению контроля над новыми территориями в Ираке и Сирии включала поэтапное ослабление противника, подавление местных сил безопасности и разжигание этноконфессиональных конфликтов.

ИГ активно применяет тактику истощения противника, обходные маневры во время боевых действий, дискретные атаки и массированные удары по противнику (как во время захвата Ракки или атаки на Кобани). Для деморализации командования войск противника и подрыва его морального духа ИГ широко использует террористов-смертников и методы информацион-

⁷ Накануне гражданской войны сирийские вооруженные силы насчитывали более 300 тыс. личного состава. За годы войны численность, по разным подсчетам, сократилась на 30–50% и составила на 2015 г. около 150–200 тыс. Численный состав иракских вооруженных сил всех родов вместе со спецслужбами – более 400 тыс. человек (по официальным данным), по факту после экспансии ИГИЛ на территорию Ирака – не более 80 тыс. активного состава [Westall, 2014].

⁸ В 2005 г. было опубликовано письмо лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири к руководителю «Аль-Каиды» в Ираке Абу Мусабу аз-Заркави, в котором описывается план на ближайшее будущее, согласно которому «Аль-Каида» сначала должна вытеснить из Ирака коалиционные силы, установить в стране исламистский режим, а затем перенести «джихад» на территорию соседних арабских стран, включая Египет, Ливан и Сирию [Jehl, 2005].

⁹ При Харуне ар-Рашиде Ракка была формальной столицей Аббасидского халифата на краткий промежуток времени (на рубеже VIII и IX вв.). Символичность захвата этого города и превращения его в столицу стали очевидны, когда спустя год после его захвата был провозглашен «халифат» [Barrett, 2014, p. 36].

ной войны, для захвата стратегических пунктов применяет атаки малыми группами по обезвреживанию численно превосходящих сил противника (как это было в случае со взятием Мосула в июне 2014 г.). Сочетание разных тактик ведения боевых действий и военных кампаний, которое демонстрирует ИГ, сделало чрезвычайно сложным отвоёвывание захваченных ИГ территорий армией Сирии и Ирака в ходе операций на земле и авиаударов международной коалиции с воздуха. Осложняет борьбу с ИГ и децентрализованный характер его военного командования, который позволяет в случае военных поражений действовать автономными разрозненными группами.

Другая важная отличительная особенность ИГ состоит в стратегии расширения за счет внутренних ресурсов. Если большинство других джихадистских группировок выстраивали отношения с близкими по идеологии и целям организациями на принципах кооперации и взаимодействия, старались заручиться прямой поддержкой населения, ИГ действует иначе, опираясь на жестокость, аналогичную той, которую оно применяет к внешним врагам, и авторитарный характер своей власти. Для обеспечения лояльности конкурирующих джихадистских группировок, непокорных племен и сопротивляющегося местного населения ИГ использует военную силу, угрозы и политическое давление, прямой обман и т.д. Отрицая необходимость построения коалиций с другими джихадистами, ИГ сделало упор на религиозный императив, который заключает в себе идею построения «всемирного халифата», и на военные успехи как показатель «религиозного предопределения»¹⁰. Все это сочетается с крайней жестокостью ИГ на местах – за первые полгода существования ИГ как «халифата» было казнено более 2 тыс. человек в Сирии, включая 81 боевика из «Джабхат ан-Нусры» и других неподчинившихся джихадистских группировок, а также более 930 членов племени аль-Шайтат в районе сирийского города Дьер эз-Зор [About 2000 people..., 2014].

Для поддержания духа внешней экспансии ИГ серьезно озабочено вопросами рекрутирования и индоктринации новых сторонников (воинской повинности для местного населения и вербовки боевиков со стороны). Разнообразные методы принуждения и распределения ответственности обеспечивают военную эффективность ИГ в широкомасштабных операциях и возможность успешно противостоять внешним угрозам [Giustozzi, 2008, p. 8]. Важно, что наряду с методами прямого и косвенного принуждения – публичных телесных наказаний и казней¹¹ – ИГ широко применяет вполне современные приемы – назначает своим бойцам фиксированное денежное содержание, воспитывает в них понятия «групповой солидарности», поощряя формирование хорошо тренированных малых боевых групп [там же, p. 15].

ИГ удалось сформировать широкий круг религиозно и политически мотивированных сторонников, которые при этом крайне эффективны как военная сила. Военная структура ИГ, как и другие его общественные и властные институты, идейно и религиозно ориентирована, а рядовые боевики ИГ мотивированы не столько корыстными, сколько идейными интересами [там же, p. 16]. Экзальтированная набожность и истовая верность «халифату» ИГ, готовность к самопожертвованию – все это крайне важно для поддержания религиозно-идеологического единства в рядах ИГ.

В армии ИГ, по контрасту с вооруженными силами Сирии и Ирака, продвижение по службе основано на принципах меритократии и зависит от проявленных способностей и личных качеств [Giustozzi, 2008, p. 7], тем самым обеспечивается кадровая эффективность и компетентность военного руководства – еще один фактор успеха ИГ. В отличие от «Талибана», в рядах которого были в основном малообразованные боевики, не имевшие ни серьезного боевого опыта, ни военно-технических знаний, ИГ, костяк которого составили бывшие баасист-

¹⁰ На Ближнем Востоке при этом успешно культивировался общественный дискурс – ИГ побеждает, поскольку имеет божественный мандат.

¹¹ Только за полгода после провозглашения «халифата» ИГ казнило порядка 120 своих боевиков за попытки вернуться домой [Taylor, 2014].

ские военные с хорошей подготовкой и навыками армейского командования, подобного кадрового кризиса не испытывает [там же, р. 17]. Все это позволило ИГ создать современную мусульманскую армию с высокой внутренней дисциплиной.

Однако в военной стратегии ИГ есть немало уязвимых мест. Нацеленность на постоянную территориальную экспансию сама по себе таит опасность для жизнеспособности ИГ. Во-первых, лояльность воюющих за ИГ суннитских племен Ирака или боевиков «Джабхат ан-Нусра» – величина переменная, во многом зависящая от того, насколько ИГ удастся сохранять имидж непобедимой силы. Во-вторых, местное население на завоеванных территориях, из которого формируются новые сторонники, также может изменить свое отношение к ИГ в случае существенных колебаний в балансе военных успехов и поражений. Это вполне может вызвать лавинообразные протесты против ИГ. Наконец, как показал случай с уничтожением одного из командующих ИГ Абу Сайяфа в мае 2015 г., удары по верховному командованию ИГ могут серьезно ослабить группировку. Наконец, созданные ИГ институты власти и социального обеспечения могут быть эффективны в условиях постоянной экспансии и «джихада», однако в перспективе долговременного существования они потребуют коренной ревизии либо из конкурентного преимущества станут фактором системного кризиса (опыт взлета и падения последнего халифата – Османской империи – показывает, насколько сложно осуществить такой переход).

Вызовы западной модели государственного устройства

Захват ИГ значительной части территории Сирии и Ирака фактически показал, что национально-государственный суверенитет как основополагающий принцип современной мировой политики требует ревизии – отхода от государственно-центричной трактовки суверенитета к понятию множественности суверенитета в рамках одного государства. Примерами множественности суверенитета может служить не только усиление ИГ, но и появление негосударственных армий и вооруженных группировок на Ближнем Востоке, которые стали успешно оспаривать монополию государства на применение насилия. Все это привело к возникновению на Ближнем Востоке гибридных государственных институтов.

В 1920-е годы ближневосточные государства – Турция, Ирак, Египет, Иордания и др. – с большим воодушевлением позиционировали себя как успешные государства-нации, в которых территориальная целостность и территориальный суверенитет сочетаются с национальным единством – единением общества и государства, обосновываемым в местных националистических идеологиях. Эти страны в целом активно стремились внедрить у себя западную модель общества и государства [Fromkin, 1989]. Так или иначе большинство ближневосточных стран смогли утвердиться в роли независимых государств через международное признание их суверенитета [Jackson, 1993]. Однако «арабская весна» поставила под сомнение релевантность устоявшейся авторитарной государственно-центричной модели внутреннего суверенитета, не учитывающей индивидуальные и общественные представления о справедливом порядке на Ближнем Востоке [Bull, 1971; International., 2009]. В свою очередь, в проекте политического устройства «халифата» ИГ предложило решение ключевых проблем западной модели государственности – незавершенности проекта нациестроительства (ИГ отрицает идею нации как таковую) и дефицита легитимности и суверенитета (легитимность в халифате исходит от Аллаха, а суверенитет – это право управлять всей мусульманской уммой) [Кузнецов, 2015].

Со времен Вестфальского мира принцип суверенитета играл системообразующую роль для современного правопорядка и международных отношений, которые должны были осуществляться на принципах признания равенства суверенитетов [Carogaso, 2000]. Сам по себе этот принцип существовал в двух измерениях: как внутренний и внешний суверенитет. События 2000-х годов дали основания говорить, что на Ближнем Востоке внешний и внутрен-

ний суверенитет существующих государств поставлен под сомнение. На внутригосударственном уровне об этом свидетельствуют проблемы в экономике, административно-политической системе и обеспечении безопасности, с которыми национальные правительства оказываются неспособны справиться. На внешнеполитическом уровне – это не только регулярные интервенции со стороны США и НАТО, но и неспособность региональных международных организаций, таких как ЛАГ, ОИС или ССАГПЗ, эффективно выполнять функции инструмента разрешения межгосударственных конфликтов и обеспечения безопасности в регионе, что хорошо видно на примере непрекращающейся гражданской войны в Сирии и Ливии, социальной нестабильности в Египте и Ираке. Отсутствие эффективных механизмов для поддержания стабильного «регионального порядка» подталкивает страны к односторонним действиям или краткосрочным союзам, что само по себе не решает проблему дестабилизации региона, а лишь ее усугубляет.

Одно из наиболее явных следствий дефицита и даже вакуума власти в ряде стран Ближнего Востока после «арабской весны» – это появление негосударственных вооруженных формирований, активность которых подрывает государственные институты, идеологии национального развития и экономику стран региона. Кризис региональной безопасности, возникший как следствие «арабской весны» (военный переворот в Египте 2013 г., непрекращающаяся гражданская война в Сирии), привел к тому, что вместе с ослаблением межгосударственных границ изменился и характер конфликтности, для которой на передний план выходят противоречия между социальными, этническими и конфессиональными группами (противостояние шиитов и суннитов, курдов и турок), а не государствами. ИГ – яркий пример такого негосударственного вооруженного формирования [Hazbun, 2015], которое изменило региональный порядок на Ближнем Востоке: существующие национальные границы оказались разрушены и в рамках ранее единых государств стали появляться национальные автономии по модели иракских курдов; волны мигрантов из охваченных гражданской войной областей хлынули в соседние с Ираком и Сирией государства и страны ЕС; растущая популярность «халифата» ИГ вызвала феномен «новой *хиджры*» – миграции из разных стран желающих присоединиться к воинам «нового халифата» [Kardaş, Özdemir, 2014; Hegghammer, 2011].

Если рассматривать феномен ИГ с точки зрения эволюции института государства и механизмов власти, то история его успеха – это демонстрация возможностей того, как в современном мире можно оспаривать монополию существующих в регионе государств на применение военной силы, на территориальный суверенитет и конструирование национальных идеологий. Важно также, что феномен ИГ – это не только следствие дестабилизации региона Ближнего Востока или геостратегический проект, но и социологический феномен [Lia, 2015]. Провозглашение ИГ идеи создания «халифата» нельзя воспринимать в категориях исключительно архаизации политической реальности. Хотя большинство политиков и специалистов в области безопасности характеризуют ИГ как «варварское образование» или «средневековое государство», некоторые ученые небезосновательно увидели в феномене ИГ черты «революционного государства» [Walt, 2015]. Несмотря на то что в общественном дискурсе ИГ ассоциируется прежде всего с жестокими террористическими атаками и публичными казнями, оно представляет собой эксперимент в построении альтернативной модели государства и нации, выстраивая на территории Сирии и Ирака свои институты власти, бюрократический аппарат, систему социального обеспечения и налогообложения, с помощью которых оно демантирует существующие общественные порядки и государственное устройство [Gambhir, 2015].

В этом смысле ИГ представляет собой революцию против нормативности западной государственности и общественного устройства, которая последовательно внедрялась на Ближнем Востоке после Первой мировой войны.

В подобном значении понятие «антизападной революции» восходит к работам Хедли Булла [Bull, 1985, p. 220–224], использовавшего его при описании борьбы бывших колоний

против доминирования Запада в мировой политике – против монополии на определение соответствия других обществ универсальным критериям «западного сообщества государств».

Хедли Булл выделял пять этапов, или уровней, «антизападных революций» в XX в. На первом – шла борьба за международное признание (правовую легитимность). Наиболее ярко этот этап прошли Турция, Египет, Япония, Китай, которые добились восстановления и признания формальной независимости, но при этом продолжали рассматриваться как «подчиненные» по отношению к Западу страны. Второй этап – политический, когда бывшие колонии требовали не только признания равноправия государств *de jure*, но и свободы от политического доминирования бывших метрополий *de facto*. Третий уровень – расовый, борьба за отмену рабства и отказ от примата превосходства «белого человека». Четвертый уровень – экономический, противостояние западному доминированию в мировой экономике. Наконец, пятый этап – это «антизападная революция» в сфере культуры, выразившаяся в противостоянии западному культурному ориентализму: универсализации либерального понимания прав человека, принципов «хорошего управления» и т.д. Первые четыре фазы «антизападной революции», по Х. Буллу, хотя и были направлены против Запада и его доминирования, активно эксплуатировали западные концепции свободы, равенства, справедливого порядка, – тем самым по своей сути они представляли социально-политическую вестернизацию (отчасти это обуславливалось тем, что местные элиты, которые находились в авангарде политического процесса, были воспитаны в лоне западной культуры и ориентировались на западную цивилизацию). При этом в пятом уровне «антизападной революции» Х. Булл видел фундаментальные отличия, поскольку она становилась революцией «против западных ценностей как таковых» [Bull, 1985, p. 223] и, соответственно, ее последствия вели к росту конфликтности и разобщенности.

Феномен «Аль-Каиды» можно считать следствием пятой фазы «антизападной революции» – противодействием гегемонии Запада в мировой политике. Однако, несмотря на масштабные теракты (в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., в Мадриде 11 марта 2004 г. и в Лондоне 7 июля 2005 г.), влияние «революции» «Аль-Каиды» на трансформацию международной системы и доминирование в ней Запада оказалось незначительным. *В этом ключе появление ИГ можно рассматривать как новый этап антизападной революции на Ближнем Востоке, нацеленный на демонтаж западной модели государственного и общественного устройства, девальвацию ценностей либеральной политической культуры и слом западноцентричной системы международных отношений.* Последствия новой фазы антизападной революции для будущего международного сообщества могут быть гораздо серьезнее и драматичнее, чем это было характерно для всех предшествующих ее этапов.

Во-первых, ИГ отвергает право государства и его секулярных институтов на формулирование общепризнанных «правил игры», утверждая теократический принцип правления и теологические источники права. Парадоксально, что ИГ, с одной стороны, на идеологическом уровне стремится создать новый региональный порядок, в рамках которого границы между государствами должны быть прочерчены, исходя из религиозной идентичности, с другой – задумывается о признании в качестве полноправного субъекта международного сообщества [Bielat, 2015].

Во-вторых, ИГ формулирует свое понимание международных отношений и миропорядка вне рамок традиционного западного сообщества государств. ИГ позиционирует себя как «глобальное государство», обращаясь к населению разных стран по всему миру, не ограничивая ареал распространения своей радикальной идеологии и альтернативных моделей общественного и государственного устройства [McCants, 2015, p. 100]. Трактовка исламской цивилизации ИГ – это модель мира с центром в виде ИГ и с периферией, которая представляется в рамках традиционного деления на «мир ислама» (*Дар аль-ислам*) и «мир войны» (*Дар аль-харб*) [Hansen, Mesøy, 2009, p. 317–320; Вайс, Хасан, 2016, с. 23]. Неприемлемы для ИГ и принцип невмешательства (основополагающий для современного международного права), и

секуляризм (отличительная черта западной модели современного государства). ИГ предлагает альтернативные парадигмы войны и дипломатии. Так, ведение войны для ИГ – это не есть «продолжение политики только иными средствами», в известной формуле Карла фон Клаузевица [Клаузевиц, 2007, с. 30], когда целью любой войны является мир на условиях, благоприятных для победившей стороны. ИГ не использовало ни атаку на редакцию «Шарли Эбдо» в Париже (7 января 2015 г.) [Özdemir, 2015] и последующие многочисленные одиночные теракты, ни взрывы в Анкаре, унесшие жизни 102 человек (10 октября 2015 г.), ни массовые теракты в Париже, где число погибших превысило 130 человек (13 ноября 2015 г.), для предъявления ультиматумов или дипломатических требований, т.е. всего того, что характерно для традиционной парадигмы «войны как продолжения политики».

В-третьих, ИГ предлагает свой вариант геополитики, который Уильям Маккантс в своей книге «Апокалипсис ИГИЛ» назвал «эсхатологическим» [McCants, 2015]. Провозглашение «халифата» ИГ в июне 2014 г. означало начало ревизии устоявшихся границ между арабскими государствами Ближнего Востока и их переформатирование по линиям этноконфессионального размежевания. Причем ИГ представляло это не как сецессию или банальный передел земли, а как внедрение альтернативной модели суверенитета – не этнотерриториального, а «религиозно-политического» [McElroy, 2014]. Тем самым ИГ осуществляло символический демонтаж основ Версальско-Вашингтонского порядка, установление которого означало крушение последнего халифата – Османской империи [Sennott, 2014].

Эсхатологическая геополитика ИГ предполагает не только борьбу с «врагами халифата» на Западе, но и с мусульманами, которые не вписываются в парадигму радикального суннитского ислама (для обоснования этих подходов в риторике ИГ используются специально подобранные фрагменты религиозных текстов). Иными словами, хотя ИГ и стремится позиционировать себя в рамках традиционного «столкновения цивилизаций», при котором роль главного и непреходящего врага отводится Западу, «география врагов» ИГ оказывается существенно шире. ИГ заявляет о себе как об истинном представителе «исламского джихада», для которого насилие – норма политического бытия, особенно в отношениях с противниками – будь то государства или конкурирующие повстанческие группировки [Walt, 2015].

Особенно рельефно эсхатологическая геополитика ИГ проявляется в «бинарной топонимике» – накладывании коранических пророчеств на сегодняшнюю реальность – захваченные города, места сражений и т.д. (в подтверждение важной для вербовки новобранцев идеи близкого конца света) [Berger, 2015]. Например, современный сирийский город Дабик стал у ИГ кораническим Дабиком, с которым связан известный *хадис* о мусульманском Малахите (аналог Армагеддона): «Последний час (истории) не придет, пока римляне не высадятся или в аль-Амаке, или в Дабике» [McCants, 2015, р. 98]. Не случайно свое сетевое издание идеологи ИГ назвали «Дабик». Для ИГ эта «бинарная топонимика» и использование коранической географии крайне важны с точки зрения ревизии регионального порядка на Ближнем Востоке, соотнесения его с традиционными исламскими концепциями размывания национально-государственных идентичностей. Стратегия коранической текстуализации объектов территориальной экспансии ИГ служит обоснованием онтологического статуса ИГ как единственного борца за ислам.

В-четвертых, ИГ отрицает саму идею международного сообщества в западнцентричном его понимании, поскольку опирается не на модель суверенного национального государства, а на заложенную в исламе концепцию *уммы*, т.е. сообщества мусульман, в рамках которого отсутствуют межэтнические или межгосударственные границы [Наумкин, 2006]. ИГ не только утверждает отсутствие разделения политики и религии, как в идеальной для него модели государства времен праведных халифов (632–661) [Saikal, 2008], но и предлагает альтернативные

модели государственности, где суверенитет принадлежит не нации, а мусульманской *умме*¹². Создавая свой «халифат» в «коранических границах», ИГ игнорирует принципы территориальной целостности существующих государств и их территориальный суверенитет [Mecham, 2015], тем самым демонстрируя свое отношение к западной системе суверенных государств на Ближнем Востоке – как к наносному явлению, не соответствующему исламской доктрине. Символическим подтверждением отрицания западной модели национальной государственности и гражданства служит показное сожжение иностранцами своих паспортов, после того как они присоединились к ИГ [French..., 2014; Wyke, 2014]. Сжигание удостоверений личности – это отказ от существующих маркеров национальной и государственной идентичности. *Тем самым ИГ восстает против основ международного сообщества, как его определяли классики английской школы международных отношений – международного права, государственного и территориального суверенитета, равенства стран и индивидуальных свобод.*

По многим параметрам ИГ не вписывается в модель современного государства – члена международного сообщества, однако его нельзя считать «средневековой сущностью». ИГ на подконтрольных территориях развивает вполне современные институты власти и социального обеспечения, облекая их в религиозные или квазирелигиозные формы (центры *дауа*¹³, институты шариата, департамент мусульманских услуг и т.д.). Синтезируя элементы современного западного национального государства и исламской традиции, ИГ постулирует единство религиозной сферы и общественной жизни во всей ее совокупности, осуществляет десекуляризацию политики. Все это придает ИГ модернистский и даже постмодернистский характер, заставляет искать параллели с эпохой террора Великой французской революции или политикой германского нацизма [McDonald, 2014].

Успех ИГ в установлении контроля над территориями, ранее входившими в состав суверенных стран, – это не только эксперимент в построении новой модели государственности, но и попытка установить на Ближнем Востоке нормативность гражданского противостояния, которая обеспечивается появлением многочисленных повстанческих вооруженных формирований, активизацией этноконфессиональной и социально-групповой конфликтности. Борьба курдов против ИГ, суннитов против шиитов, курдов против суннитов, хуситов против суннитов, турок против курдов и т.д. – все это говорит о том, что нормативность гражданской войны становится отличительной чертой регионального порядка на Ближнем Востоке. Прямым следствием становится появление государственных образований нового формата – это не только ИГ, но и, например, курдская автономия на севере Сирии с советской системой власти [Aras, Falk, 2015, p. 327]. Примат насилия и политика этноконфессиональной или социально-групповой исключительности замещает нормативность права и элементы правового государства. Эксперименты с поиском новой государственности уже привели к фактическому распаду Сирии, Ирака, Ливии, Йемена. Для населения этих стран государство и центральная власть утратили важнейшую функцию – оказались неспособны обеспечивать безопасность своих граждан, что на фоне бурного развития повстанческих и джихадистских группировок и появления негосударственных армий стимулировало формирование на местном уровне народных ополчений, берущих на себя задачи обеспечения безопасности в рамках области, района, селения и т.д. На такое «самообеспечение безопасности» перешли курды и туркмены в Ираке. Аналогичные процессы «микрорегионализации» наблюдаются в Сирии, Ливии, Йемене.

¹² Умма не эквивалентна нации в примордиалистской («биологической») трактовке, как объединения «по крови», поскольку не является природным феноменом. Однако умму нельзя отнести и к категории «воображаемого сообщества» Бенедикта Андерсона, так как ее формирование не есть продукт социально-экономического развития общества.

¹³ Дауа (или дават, араб. da'wa) буквально означает «призыв, приглашение», т.е. проповедь, миссионерство. В данном контексте дауа – это специальные мероприятия, которые проводит ИГ для привлечения в число своих сторонников новых членов.

Так, «арабская весна» и восхождение ИГ стали очередным примером экспериментов с синтезом блистательного исторического прошлого (от построения мировых империй и священных войн до этноконфессиональных конфликтов в формате «всех против всех») и «цивилизации модерна», заставляющих Ближний Восток то сближаться с «мировым сообществом», то бороться против него.

Список литературы

Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 346 с.

Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.

Кузнецов В. ИГ – альтернативная государственность? // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – № 5, 13.10. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/IG-alternativnaya-gosudarstvennost-17739> (Дата обращения – 28.01.2016).

Моргентау Г. Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. – М., 1997. – № 2. – С. 189–201.

Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? // Международные процессы. – М., 2006. – Т. 4, № 1 (10), Январь–апрель. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm> (Дата обращения – 28.01.2016).

Постзападная цивилизация. Либерализм: Прошлое, настоящее и будущее / Под ред. С.Н. Юшенкова. – М.: Минувшее, 2002. – 438 с.

Хаас Р. Разваливающийся миропорядок: Как реагировать на анархию в мире? // Россия в глобальной политике. – М., 2014. – № 6, 17.12. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/razvalivayushchiysya-miroporyadok-17194> (Дата обращения – 28.01.2016).

Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация: Путь для России и всего человечества // Демократический выбор. – М., 2001. – 2–8 августа, № 31 (263). – С. 3. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/oborg/2_17/article.php?art=16 (Дата обращения – 28.01.2016).

About 2000 people killed by the Islamic State since the establishment of «caliphate» // Syrian observatory for human rights. – Coventry, 2014. – 28.12. – Mode of access: <http://www.syriahr.com/en/?p=8457> (Дата обращения – 28.01.2016).

Al-Tamimi A.J. Iraq crisis: Key players in Sunni rebellion // BBC. – L., 2014 а. – 01.07. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-28053496> (Дата обращения – 28.01.2016).

Al-Tamimi A.J. State of war: The Iraqi Sunni actors taking on the Islamic State // Pundicity. – 2014 b.–02.11. – Mode of access: <http://www.aymennjawad.org/15607/state-of-war-the-iraqi-sunni-actors-taking-on> (Дата обращения – 28.01.2016).

Al-Tamimi A.J. The return of Iraqi Shi'i militias to Syria // Middle East institute. – Wash., 2015. – 16.03. – Mode of access: <http://www.mei.edu/content/at/return-iraqi-shi%E2%80%98militias-syria> (Дата обращения – 28.01.2016).

Anjarini S. The evolution of ISIS // Al-Monitor. – Wash., 2013. – 01.11. – Mode of access: <http://www.al-monitor.com/pulse/security/2013/11/syria-islamic-state-iraq-sham-growth.html> (Дата обращения – 28.01.2016).

Aras B., Falk R. Authoritarian «Geopolitics» of survival in the Arab Spring // Third World Quarterly. – Abingdon: Taylor & Francis, 2015. – Vol. 36, Issue 2. – P. 322–336.

Ayoob M. The new cold war in the Middle East // The National Interest. – Wash., 2013. – 16.01. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/the-new-cold-war-the-middle-east-7974> (Дата обращения – 28.01.2016).

Ayoob M. Will the Middle East implode? – Cambridge: Polity press, 2014. – 208 p.

Barrett R. The Islamic State / The Soufan Group. – N.Y., 2014. – 66 p. – Mode of access: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/10/TSG-The-Islamic-State-Nov14.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

Berger J.M. The metronome of apocalyptic time: Social media as carrier wave for millenarian contagion // *Perspective on terrorism / Univ. of Massachusetts Lowell*. – Lowell, MA, 2015. – Vol. 9, Issue 4. – P. 61–71.

Bielat H.L. Islamic State and the hypocrisy of sovereignty // *E-International relations*. – 2015. – 20.03. – Mode of access: <http://www.e-ir.info/2015/03/20/islamic-state-and-the-hypocrisy-of-sovereignty/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Bull H. Order vs. justice in international society // *Political studies*. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 1971. – Vol. 19, Issue 3. – P. 269–283.

Bull H. The revolt against the West // *The expansion of international society / H. Bull, A. Watson (Eds.)*. – N.Y.: Oxford univ. press, 1985. – P. 217–228.

Caporaso J.A. Changes in the Westphalian order: Territory, public authority, and sovereignty // *International studies review*. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2000. – Vol. 2, Issue 2. – P. 1–28.

Designated foreign terrorist organizations // U.S. Department of State. – Wash., 2016. – Mode of access: <http://www.state.gov/j/ct/rls/other/des/123085.htm> (Дата обращения – 28.01.2016).

Fishman B. Redefining the Islamic State: The rise and fall of Al Qaeda in Iraq / New America foundation. – Wash., 2011. – 24 p. – Mode of access: https://static.newamerica.org/attachments/4343-redefining-the-islamic-state/Fishman_Al_Qaeda_In_Iraq.023ac20877a64488b2b791cd7e313955.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Fragile states index 2015 / Messner J.J., Haken N., Taft P., Blyth H., Lawrence K., Graham S.P., Umaña F. – Wash.: Fund for peace, 2015. – 40 p. – Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2015.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

French ISIS fighters burn their passports // *The Guardian*. – L., 2014. – 20.11. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/video/2014/nov/20/french-isis-fighters-burn-passports-video> (Дата обращения – 28.01.2016).

Fromkin D. A peace to end all peace: Creating the modern Middle East, 1914–1922. – N.Y.: H. Holt, 1989. – 636 p.

Gambhir H. ISIS's global strategy: A wargame // *Middle East security report / Institute for the study of war*. – Wash, 2015. – N 28 (July). – 31 p. – Mode of access: <http://understandingwar.org/sites/default/files/ISIS%20Global%20Strategy%20-%20A%20Wargame%20FINAL.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

Gilsinanaug K. The many ways to map the Islamic «State» // *The Atlantic*. – Wash., 2014. – 27.08. – Mode of access: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2014/08/the-many-ways-to-map-the-islamic-state/379196/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Giustozzi A. The art of coercion: Armed force in the context of state building / London school of economics. – L., 2008. – 28 p. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/internationalDevelopment/research/crisisStates/download/seminars/GiustozziDec10Revised.pdf> (Дата обращения – 28.01.2016).

Guide to the Syrian rebels // BBC. – L., 2013.–13.12. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-24403003> (Дата обращения – 28.01.2016).

Haass R.N. The new Thirty years' war // *Project Syndicate*. – N.Y., 2014 a. – 21.07. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/richard-n-haass-argues-that-the-middle-east-is-less-a-problem-to-be-solved-than-a-condition-to-be-managed> (Дата обращения – 28.01.2016).

Haass R.N. The unraveling: How to respond to a disordered world // *Foreign affairs / Council on foreign relations*. – N.Y., 2014 b. – Vol. 93, Issue 6. – P. 70–79.

Hansen S., Mesøy A. Conclusion // *The borders of Islam: Exploring Samuel Huntington's faultlines, from Al-Andalus to the virtual ummah* / S. Hansen, A. Mesøy, T. Kardas (Eds.). – N.Y.: Columbia univ. press, 2009. – P. 309–321.

Harvey D., Pregent M. Who's to blame for Iraq crisis // CNN. – Atlanta, GA, 2014. – 12.06. – Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/06/12/opinion/pregent-harvey-northern-iraq-collapse/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Hazbun W. A history of insecurity: From the Arab uprisings to ISIS // *Middle East policy*. – Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2015. – Vol. 22, Issue 3. – P. 55–65.

Hegghammer Th. The rise of Muslim foreign fighters: Islam and the globalization of jihad // *International security*. – Cambridge, MA: MIT press, 2011. – Vol. 35, Issue 3 (Winter 2010/11). – P. 53–94. – Mode of access: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/The_Rise_of_Muslim_Foreign_Fighters.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Hill Ch.R. The end of the Arab state // *Today's Zaman*. – Istanbul, 2014. – 29.07. – Mode of access: http://www.todayszaman.com/op-ed_the-end-of-the-arab-state_354240.html (Дата обращения – 28.01.2016)

International society and the Middle East: English school theory at the regional level / B. Buzan, A. Gonzalez-Pelaez (Eds.). – Basingstoke: Palgrave, 2009. – 280 p.

Jackson R. Quasi-states: Sovereignty, international relations, and the Third World. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1993. – 226 p.

Jehl D. Full Qaeda letter to Iraq ally speaks of group's global goal // *The New York Times*. – N.Y., 2005. – 12.10. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2005/10/12/world/middleeast/full-qaeda-letter-to-iraq-ally-speaks-of-groups-global-goal.html> (Дата обращения – 28.01.2016).

Kardaş T., Özdemir Ö.B. The making of European foreign fighters: Identity, social media and virtual radicalization // *Analysis*. – Istanbul: SETA, 2014. – N 11 (October). – 23 p. – Mode of access: http://file.setav.org/Files/Pdf/20141008132806_the-making-of-european-foreign-fighters-pdf.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Lia B. Understanding jihadi proto-states // *Perspective on terrorism* / Univ. of Massachusetts Lowell. – Lowell, MA, 2015. – Vol. 9, Issue 4. – P. 31–41.

Lister Ch. Profiling the Islamic State / Brookings institution. Brookings Doha center. – Wash.; Doha, 2014. – 57 p. – Mode of access: http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2014/11/profiling%20islamic%20state%20lister/en_web_lister.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Lister Ch. Syria's insurgency beyond good guys and bad guys // *Foreign policy*. – Wash., 2013. – 09.09. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2013/09/09/syrias-insurgency-beyond-good-guys-and-bad-guys/> (Дата обращения – 28.01.2016).

McCants W. The ISIS apocalypse: The history, strategy and doomsday vision of the Islamic State. – N.Y.: St. Martin press, 2015. – 256 p.

McDonald K. Islamic State's «medieval» ideology owes a lot to revolutionary France // *The Conversation*. – 2014. – 08.09. – Mode of access: <http://theconversation.com/islamic-states-medieval-ideology-owes-a-lot-to-revolutionary-france-31206> (Дата обращения – 28.01.2016).

McElroy D. Rome will be conquered next, says leader of «Islamic State» // *The Telegraph*. – L., 2014. – 01.07. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10939235/Rome-will-be-conquered-next-says-leader-of-Islamic-State.html> (Дата обращения – 28.01.2016).

Mecham Q. How much of a state is the Islamic State? // *Washington Post*. – Wash., 2015. – 05.02. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2015/02/05/how-much-of-a-state-is-the-islamic-state/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Özdemir Ö.B. Charlie Hebdo attack: An outcome of ISIS–AQ rivalry? // ORSAM. – Ankara, 2015. – 06.02. – Mode of access: <http://www.orsam.org.tr/en/showArticle.aspx?ID=2766> (Дата обращения – 28.01.2016).

Parkinson J. Kurds' takeover of Iraqi city of Kirkuk strengthens their hand // The Wall Street j. – N.Y., 2014. – 20.06. – Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/kurds-takeover-of-strategic-city-strengthens-their-hand-1403238922> (Дата обращения – 28.01.2016).

Rogio B. Analysis: ISIS, allies reviving «Baghdad belts» battle plan // The Long War j. / Foundation for defense of democracies. – Wash., 2014. – 14.06. – Mode of access: http://www.longwarjournal.org/archives/2014/06/analysis_isis_allies.php (Дата обращения – 28.01.2016).

Ross Ph. ISIS recruitment reaches «unprecedented scale» with 15,000 foreign jihadists joining militant fighters // International Business Times. – N.Y., 2014. – 30.10. – Mode of access: <http://www.ibtimes.com/isis-recruitment-reaches-unprecedented-scale-15000-foreign-jihadists-joining-militant-1716684> (Дата обращения – 28.01.2016).

Rotberg R.I. Failed states, collapsed states, weak states: Causes and indicators // State failure and state weakness in a time of terror / R.I. Rotberg (Ed.). – Wash.: Brookings institution press, 2003. – P. 1–25.

Saikal A. Westphalian and Islamic concepts of sovereignty in the Middle East // Re-envisioning sovereignty: The End of Westphalia? / T. Jacobsen, Ch. Sampford, R. Thakur (Eds.). – Farnham: Ashgate, 2008. – P. 73–83.

Sanctions list materials: ISIL (Da'esh) & Al-Qaida sanctions list / UN. Security Council. – N.Y., 2016. – Mode of access: https://www.un.org/sc/suborg/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list (Дата обращения – 28.01.2016).

Sayyid B.S. The conflict right now in the Middle East is between the post-Western regional order and the status-quo // ORSAM interviews on regional affairs. – Ankara, 2014. – N 12, November. – 13 p. – Mode of access: http://www.orsam.org.tr/en/enUploads/Activities/Files/20141125_soylesi12ing.pdf (Дата обращения – 28.01.2016).

Sciutto J., Crawford J., Carter Ch.J. ISIS can «muster» between 20,000 and 31,500 fighters, CIA says // CNN. – Atlanta, GA, 2014. – 12.09. – Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/09/11/world/meast/isis-syria-iraq/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Sennott Ch.M. How ISIS is tearing up the century-old map of the Middle East // Global Post. – Boston, MA, 2014. – 17.06. – Mode of access: <http://www.globalpost.com/dispatches/globalpost-blogs/groundtruth/ISIS-iraq-sykes-picot-WWI> (Дата обращения – 28.01.2016).

Shlaim A. The post-Ottoman syndrome // Shifting sands: The unraveling of the old order in the Middle East / R. Shehadeh, P. Johnson (Eds.). – L.: Profile Books, 2015. – P. 17–36.

Solomon E., Dombey D. Chaos in Syria and Iraq revives Kurds nationalist ambitions // Financial Times. – L., 2014. – 23.10. – Mode of access: <http://www.ft.com/cms/s/0/555a8194-59eb-11e4-9787-00144feab7de.html#axzz3yYtDGjaN> (Дата обращения – 28.01.2016).

State-building, nation-building, and constitutional politics in post-conflict situations: Conceptual clarifications and an appraisal of different approaches / Bogdandy A. von, Häußler S., Hanschmann F., Utz R. // Max Planck yearbook of United Nations law. – Leiden: Brill, 2005. – Vol. 9. – P. 579–613.

Taylor A. Report says 120 Islamic State fighters executed by Islamic State // The Wash. Post. – Wash., 2014. – 29.12. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/12/29/report-says-120-islamic-state-fighters-executed-by-islamic-state/> (Дата обращения – 28.01.2016).

Tilly Ch. The state of nationalism // Critical review: A j. of politics and society. – Abingdon: Taylor & Francis, 1996. – Vol. 10, Issue 2. – P. 299–306.

Tilly Ch. War making and state making as organized crime // Bringing the state back in / P. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol (Eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. – P. 169–191.

Walt S.M. ISIS as revolutionary state: New twist on an old story // Foreign affairs / Council on foreign relations. – N.Y., 2015. – Vol. 94, Issue 6. – P. 43–45.

Westall S. Assad's army stretched but still seen strong in Syria's war // Reuters. – L., 2014. – 18.09. – Mode of access: <http://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-military-idUSKBN0HD0M420140918> (Дата обращения – 28.01.2016).

Wyke T. Three French ISIS jihadis burn their passports and urge others to «poison non-believers' food and run over them with your cars» in chilling new propaganda video // Daily Mail. – L., 2014. – 20.11. – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2841698/Three-French-ISIS-jihadists-burn-passports-urge-poison-food-run-cars-chilling-new-recruitment-video.html> (Дата обращения – 28.01.2016).

Запад, мусульманский мир и радикальный исламизм

Б.В. Долгов

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о военно-политическом вмешательстве Запада в странах мусульманского мира с начала XXI в. В то же время дается анализ подъема движений политического ислама и активизации деятельности радикальных исламистов, что привело к возникновению «Исламского государства», террористическая активность которого имеет место на Ближнем Востоке, но направлена также против стран Запада.

Abstract. The article touches upon the issue of the extensive military and political maneuvers of the Western countries in the Muslim world since the beginning of the 21 st century. Meanwhile the text gives a valuable information on the rise of political Islam and Islamic extremist movements in the region that led to the emergence of the «Islamic State». The author stresses that its terrorist activities take place in the Middle East, but is also directed against the western countries.

Ключевые слова: мусульманский мир, политический ислам, радикальные исламисты, «Исламское государство».

Keywords: Muslim world, political Islam, Islamic extremist movements, «Islamic State».

Первые полтора десятилетия XXI в. характеризовались, с одной стороны, усилением военно-политического вмешательства Запада в мусульманский мир и, с другой стороны, подъемом здесь движений «политического ислама», в том числе – их радикальных течений. Этот процесс, в свою очередь, привел к активизации деятельности радикальных исламистов и попытке создания ими своей государственной структуры – «Исламского государства» (ИГ), террористическая экспансия которого распространялась на Ближнем Востоке, но была направлена и против стран Запада.

Начало XXI в. было ознаменовано масштабными террористическими актами 11 сентября 2001 г. в США, в результате которых погибло более трех тысяч американских граждан. В осуществлении этих террористических атак была обвинена радикальная исламистская организация «Аль-Каида» и ее лидер Усама бен Ладен. США заявили, что террористы «Аль-Каиды» ненавидят «основополагающие американские ценности – свободу, демократию, права человека» и поэтому «наносит по ним свои удары». Однако в действительности действия радикальных исламистов имеют несколько другую мотивацию. В этой связи необходимо вспомнить, что теракты в США последовали практически сразу после имевших место протестных выступлений палестинцев на Западном берегу реки Иордан и в Иерусалиме, жестко подавленных израильской полицией и войсками. Причем в результате действий израильских силовых структур погибло большое число палестинцев, в их числе подростки и дети. В это же время последовала фетва (религиозное послание) Усамы бен Ладена, в которой он обвинял США, для которых Израиль является стратегическим союзником, в «убийстве мусульман» и, в свою очередь, призывал мусульман «уничтожать американцев и евреев». Таким образом, очевидно, что одной из глубинных причин террористических атак против США являлась неурегулированность палестинской проблемы, которая провоцирует периодическое обострение отношений между мусульманским миром, с одной стороны, и Израилем, США и Западом в целом – с другой.

Данные теракты послужили поводом для провозглашения руководством США борьбы с «Аль-Каидой» и с «международным терроризмом» в глобальном плане – борьбы, к которой присоединились все союзники США и многие другие страны. В то же время реальная история возникновения «Аль-Каиды» показывает, что она создавалась в 1980-е годы при активной поддержке спецслужб Королевства Саудовской Аравии (КСА) и США в целях использо-

вания радикальных исламистов для свержения просоветского правительства в Афганистане¹⁴. Впоследствии афганские джихадисты (выходцы из арабских и других мусульманских стран) составили ядро многих радикальных исламистских группировок как в арабских странах, так и в «горячих точках» по всему миру.

В ходе борьбы с «международным терроризмом» США и их союзники по НАТО вторглись в Афганистан и свергли исламистский режим движения «Талибан», обвиняя его в поддержке «Аль-Каиды». Тут необходимо подчеркнуть, что этот режим пришел к власти во многом в результате поддержки Западом исламистских группировок в Афганистане, в том числе и «Аль-Каиды», во время их «джихада» против просоветского афганского правительства Наджибуллы. В то же время США и их союзники на протяжении своего многолетнего военного присутствия в Афганистане так и не смогли подавить движение «Талибан» – его террористические акции продолжают до настоящего времени и, более того, с 2014 г. в Афганистане активно действуют боевики «Исламского государства» (ИГ).

Следующей страной мусульманского мира, подвергшейся вторжению США и их союзников в 2003 г., стал Ирак. Американская интервенция началась под предлогом наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения. Затем, когда это оружие так и не было обнаружено, предлогом стала необходимость свержения «диктатора и тирана Саддама Хусейна» и продвижения демократии. В этой связи надо отметить, что политика США и Запада в целом в отношении мусульманского мира (так же как и в отношении других регионов) мотивируется конкретными целями и интересами, и «демократическая» риторика играет роль пропагандистского прикрытия. Так, например, диктаторский характер режима Саддама Хусейна не помешал США поддерживать его (в том числе – поставками вооружений) во время ирано-иракской войны (1980–1988). Поэтому можно констатировать, что подлинными целями американской агрессии против Ирака являлись, во-первых, разгром Ирака, как наиболее мощного в военном плане арабского государства, активно противостоявшего Израилю. Напомним, что Ирак (так же как и Сирия) не заключил, в отличие от Египта и Иордании, мирного договора с Израилем. Ирак активно поддерживал как в финансовом, так и в военном плане палестинские организации, боровшиеся за создание независимого палестинского государства (в Ираке проходили лечение, а также военную подготовку бойцы палестинских группировок, действовавших против Израиля). Во-вторых, целью США был доступ к иракским нефтяным месторождениям, одним из наиболее перспективных в мире. В итоге военной операции данные цели были достигнуты – Ирак был разгромлен и оккупирован. В то же время произошла частичная дезинтеграция Ирака – район иракского Курдистана де-факто стал независимым. Обострились суннитско-шиитские противоречия, в стране резко возросла активность радикальных исламистских группировок.

¹⁴ В тот период, характеризовавшийся холодной войной между двумя военно-политическими блоками, США, возглавлявшие западный блок, пытались использовать радикальных исламистов «Аль-Каиды» для свержения просоветского правительства в Афганистане и тем самым ослабить своего глобального противника – СССР и советский блок. В начале гражданской войны в Афганистане Усама бен Ладен создал «Исламский фонд спасения», а с 1986 г. финансировал строительство тренировочных лагерей в Пакистане и Афганистане, через которые прошли тысячи джихадистов из многих мусульманских стран, военной подготовкой которых занимались, в том числе, инструкторы из стран НАТО. В этих лагерях повстанцы снабжались всем необходимым для ведения боевых действий, включая самое современное вооружение, поступающее по каналам американских спецслужб. Так, например, по каналам ЦРУ исламистским группировкам бен Ладена было поставлено свыше 2 тыс. современных портативных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) «Стингер», использовавшихся ими против авиации ограниченного контингента советских войск в Афганистане. С 1988 г. Усама бен Ладен начал формировать свою организацию «Аль-Каида» (араб. – База), основой для которой послужила «Бейт аль-ансар» (араб. – Дом приверженцев Аллаха) – информационная база данных (отсюда и это название), включавшая материалы о руководителях джихадистов, проходивших через тренировочные лагеря и пункты приема добровольцев. После окончания войны в Афганистане большинство этих исламистских лидеров вернулись на родину или обосновались не без помощи Усамы бен Ладена в Европе или в США. Руководство «Аль-Каиды» продолжало поддерживать с ними связь и оказывать финансовую поддержку.

Затем в 2011 г. вмешательство НАТО, инициаторами которого выступили Франция, Англия и США, было осуществлено в Ливии, причем наибольшую активность проявляло французское руководство президента Николя Саркози¹⁵. В данном случае наряду со стремлением «избавиться от непредсказуемого Муаммара Каддафи» и получить доступ к ливийским нефтегазовым ресурсам у членов коалиции имелись и политико-идеологические мотивы. Руководители Запада, несмотря на нормализацию отношений с Ливией в 2000-х годах, не забывали, что Каддафи после прихода к власти в 1969 г. ликвидировал американскую и английскую военные базы в Ливии, национализировал нефтегазовый комплекс, провозгласил (как Саддам Хусейн в Ираке и Хафез Асад в Сирии) альтернативный западному путь развития ливийского общества, а именно – строительство в Ливии *джамахирии* (доктрины народовластия, соединившей в себе ливийский национализм, ислам и элементы социализма).

С предполагавшейся ликвидацией режима Каддафи соответственно прекращалось бы осуществлявшееся им финансирование радикальных антизападных группировок, а также (как и в случае с режимом Саддама Хусейна) поддержка палестинских организаций, боровшихся за создание независимого палестинского государства. В то же время между режимом Каддафи и Западом с 2000-х годов и до начала протестных выступлений в Ливии в 2011 г. существовали достаточно тесные торгово-экономические и межгосударственные связи. Ливия снабжала углеводородными энергоносителями страны ЕС, сотрудники американского ЦРУ совместно с ливийскими спецслужбами проводили допросы арестованных радикальных исламистов, а между Ливией и Италией существовали также соглашения по борьбе с нелегальной эмиграцией. Тем не менее это не помешало подконтрольным западным правительствам СМИ за какой-то месяц превратить Каддафи в глазах мирового общественного мнения из лояльного экономического партнера в «кровавого диктатора».

Предлогом для вмешательства НАТО в Ливии стало выступление противников режима Муаммара Каддафи, поднявших в г. Бенгази мятеж, который руководство Каддафи пыталось жестоко подавить. Наличие в Ливии достаточно немногочисленных оппозиционных движений было обусловлено существовавшим у части населения недовольством узурпировавшей власть семьей Каддафи, межплеменным и межклановым противоборством, связанным с распределением нефтедолларовых финансовых потоков, а также направленными против режима Каддафи действиями исламистских группировок (таких как «Ливийская исламская боевая группа» (ЛИБГ), которая действовала в Ливии с 1990-х годов наряду с проникавшими сюда боевиками из алжирской группировки «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ)). Протестные манифестации вскоре переросли в вооруженное восстание, которое поддерживалось и разжигалось из-за рубежа. Ливийские власти в тот период опубликовали имевшиеся в их распоряжении свидетельства о финансировании «оппозиционных лидеров» и организаторов «протестных манифестаций» сотрудниками спецслужб США, о завозе и складировании оружия и пропагандистских материалов [Егорин, 2012, с. 30].

Главной вооруженной силой оппозиции стали радикальные исламистские группировки, ранее преследовавшиеся режимом Каддафи. В их рядах находились также наемники-исламисты, которые начали прибывать в Ливию из арабо-мусульманских стран и мусульманской диаспоры Европы. По инициативе ведущих стран НАТО была принята резолюция СБ ООН № 1973, которая предполагала помимо закрытия ливийского воздушного пространства также принятие необходимых мер для недопущения использования ливийскими властями военной силы против мирного населения. За такую рекомендацию для СБ ООН проголосовала большинством голосов Лига арабских государств (ЛАГ) на экстренном заседании по ситуации в Ливии

¹⁵ По утверждениям сына М. Каддафи Сейф аль-Ислама (не подтвержденным тем не менее документально), озвученным в его телешоу агентству *Евроныюз* в апреле 2011 г., Н. Саркози получил от семьи Каддафи 50 млн евро на свою предвыборную кампанию в 2007 г. [Saif al-Gaddafi., 2011]. Автор этих строк, находясь в Сирии в 2012 г. в составе международной делегации, слышал такие же утверждения от французских журналистов, членов этой же делегации.

(против голосовали Алжир и Сирия). Таким образом, была санкционирована возможность для открытого военного вмешательства в Ливии. Последовавшие за этим семимесячные военные действия (с марта по октябрь 2011 г.) привели к падению режима Каддафи. Причем в августе 2011 г., на последних этапах в «битве за Ливию» (взятие «повстанцами» ливийской столицы г. Триполи), наряду с продолжающимися ракетно-бомбовыми ударами авиации на стороне «повстанцев» непосредственно сражались спецподразделения ряда западных стран.

Таким образом, режим Каддафи был ликвидирован и основные цели инициаторов вмешательства в Ливии достигнуты. Для ведущих стран Запада результатом крушения режима Каддафи стало обеспечение доступа к нефтегазовым ресурсам Ливии, являющимся одними из самых крупных в арабском мире, а также к ее недвижимости за рубежом и многомиллионным авуарам в иностранных банках, распорядителями которых в качестве доверенных субъектов новых ливийских властей стали финансово-экономические структуры все тех же стран Запада. В то же время в результате разрушения государственности произошел фактический распад Ливии. Власть на местах была захвачена местными кланово-племенными структурами, имевшими свои вооруженные формирования. Причем многие из них были представлены воевавшими против Каддафи «повстанцами», часть которых исповедует радикальный исламизм. Так, в районе г. Дерна (на востоке Ливии) был создан живущий по законам шариата эмират, лидеры которого в 2014 г. объявили о поддержке «Исламского государства». В настоящее время радикальные исламисты достаточно открыто действуют на территории Ливии, вербуя новых боевиков и используя оружие, захваченное со складов бывшей ливийской армии или поставленное НАТО во время борьбы с режимом Каддафи. По данным египетских СМИ, в Ливии в 2014–2015 гг. функционировали 19 тренировочных лагерей по подготовке исламистских боевиков. Таким образом, на территории Ливии возник очаг радикального исламизма, имеющий тенденцию к распространению в соседние с Ливией регионы и способствующий их дестабилизации. Наряду с этим в Ливии в 2014–2016 гг. продолжалась как межклановая борьба за власть на местах, так и противостояние двух центров власти – радикальных исламистских группировок, захвативших власть в парламенте (Всенародном национальном конгрессе – ВНК) и обосновавшихся в г. Триполи, – и признанного ООН правительства, представленного умеренными исламистскими и светскими силами, сформированного в г. Тобруке. В свою очередь, ряд армейских руководителей, таких как генерал Хафтар, вступили в борьбу с радикальными исламистами. На протяжении 2015–2016 гг. группа посредников во главе со спецпредставителем ООН неоднократно пыталась склонить противостоящие стороны к компромиссу. Однако, несмотря на ряд договоренностей о создании коалиционного правительства, реальных позитивных результатов пока не достигнуто.

Затем произошло вмешательство Запада в сирийский конфликт. После начавшихся в Сирии в марте 2011 г. протестных выступлений США и их союзники сразу же объявили о своей поддержке сирийских оппозиционных сил и «нелегитимности» действующего руководства Сирии. В то же время сирийский кризис приобрел характер глобального конфликта, в котором сталкиваются интересы не только государств, представляющих собой региональные центры силы, но и великих держав. Наряду с этим поддержка ведущими странами НАТО (включая Турцию) и монархиями Персидского залива вооруженной сирийской оппозиции, представленной в основном исламистскими группировками, в рядах которых присутствуют тысячи джихадистов из более чем 80 стран, стимулировала возникновение в Сирии (так же как и в Ливии) очага радикального исламизма. А это, в свою очередь, способствовало формированию здесь так называемого «Исламского государства» (ИГ) и его экспансии в регионе.

Нужно отметить, что сирийский внутренний конфликт начался на фоне событий «арабской весны». При этом социальный протест, представлявший собой начальный этап «арабской весны» в 2010–2011 гг. в таких странах, как Тунис, Египет, Йемен, Бахрейн, был обусловлен внутренними факторами, а именно – социально-экономическим кризисом, коррупцией, поли-

цейским произволом, nepoтизмом правившей десятки лет властной элиты, отсутствием реальных демократических свобод при показной «фасадной демократии». В то же время в Сирии (так же как и в Ливии) – при наличии, хотя и в меньшей степени, внутренних проблем – главными причинами продолжающегося кризиса стали внешние факторы: поддержка вооруженной оппозиции вышеуказанными внешними силами, которые стремятся любым способом свергнуть действующее сирийское руководство для достижения на Ближнем Востоке своих геополитических целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.